

Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.

Творогов О. В. Троянская история Гвидо де Колумна / Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1989. – 528 с; [Электронный ресурс] URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4667>

Из «Троянской истории» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 8, XIV – первая половина XVI века / РАН, Ин-т рус.лит. (Пушкинский Дом) ; [под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко]. – СПб.: Наука, 2003. – 582 с. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5128>

Троянские сказания. Серия «Литературные памятники»/Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI-XVII веков /Наука. Ленинградское отделение, Л., – 1972. – 232 с.

Нестерова А. В., Екатеринбург
(науч. рук. – Соболева Л. С.)

Дословное и скрытое цитирование как риторический прием в сборнике XVII века «Статир»

Nesterova A. V.

Literal and latent citation as a rhetorical device in the XVII century collection “Statir”

В статье рассматривается роль цитирования библейских текстов в рукописном сборнике проповедей XVII века «Статир». Анализируются отдельные случаи дословного и скрытого цитирования во взаимодействии с различными средствами художественной выразительности, что позволяет выйти на новый уровень понимания авторского текста и обнаружить неочевидные смыслы.

Ключевые слова: «Статир», письменность XVII века, библейские тексты, цитирование, отсылки.

The article examines the role of biblical quotes in the 17th century manuscript collection “Statir”. The separate cases of literal and latent citation are analyzed in connection with different means of artistic expressiveness, which allows us to take a step forward to understanding the author’s text and revealing hidden meanings.

Keywords: “Statir”, 17th century writing, biblical texts, citation, references.

«Статир»¹ – сборник авторских проповедей, написанных неизвестным автором в Строгановской вотчине во второй половине XVII века. Он

¹ РГБ. Собр. Румянцеве № 411. Сборник слов и поучений «Статир». 1683-1684 гг. 815 лл.. 4° (30 x 25), п/у одного почерка, авторская нумерация листов: 1–17 (I счета), 1–517 (II счета), 1–279 (III счета). Сбой нумерации:

представляет собой один из самых ярких текстов среди многообразия малоисследованных памятников древнерусской письменности, по художественной выразительности и самобытности сопоставимый с сочинениями выдающихся авторов своей эпохи, таких как протопоп Аввакум и Симеон Полоцкий. Написан «Статир» на 815 листах и состоит из 156 «Слов» (поучений). Как известно, в XVII веке практика написания проповедей от первого лица не была распространена. Автор же данной рукописи не только принимает решение создать и зафиксировать на бумаге собственные поучения, но и выказывает удивительную самостоятельность в суждениях и выводах, опираясь, безусловно, на сложившуюся к тому времени традицию гомилетики. Такой смелый для XVII века шаг требовал цельности авторского сознания, высокой степени рефлексии, хорошей образованности и наличия мыслей, переполнявших его и требующих выражения.

Тексты XVII века – и проповеди в частности – обладают важной особенностью. Авторская мысль не уходит вглубь, философия проповеди носит иной характер. Отыскивая особенно глубокие и замечательные мысли, можно составить ошибочное представление о том, что текст довольно стандартен и не углубляется в предмет обсуждения так, как это ожидается. Но именно подробный анализ позволяет понять природу текста той эпохи. Любой труд этого и предшествующего периода – и особенно проповедь – находится в неразрывной связи с огромным библейским и святоотеческим литературным наследием, и адекватно рассматриваться он может лишь в данном контексте. Современный читатель чаще всего не видит в тексте реминисценций и отсылок, указывающих на общеизвестные для XVII века образы и сюжетные ситуации Ветхого и Нового Заветов, трудов богословов. И таким образом происходит обеднение содержательного наполнения текста. Находясь в определенной плоскости, ткань проповеди расширяется в каждой точке упоминания предшествующих текстов, эти расширения вступают во взаимодействие с

пропущены лл. 474 (II сч.), 187 (III сч.); нумерованы дважды лл. 439, 443 (II сч.), 189 (III сч.). Утрачены лл. 250, 251 (III сч.).

авторскими мыслями и создают новое содержание, которое иногда поражает своей глубиной. И чтобы современному читателю проникнуть в эту суть, необходимо шаг за шагом восстанавливать значимые контексты, отсылки к которым содержатся в поучении.

Текст проповеди не представляет собой последовательное изложение мыслей, где каждый тезис уходит вглубь и раскрывается в своей полноте, к чему привыкло читательское сознание нескольких последних веков. Он представляет собой объемную фигуру, некое древо, в котором основная линия авторской мысли постоянно расширяется за счет ответвления в области обширных контекстов, переплетается с ними и таким образом раскрывает свое содержание во всей полноте. Часто это содержание оказывается символическим, доступным не умозрительно, но ассоциативно, на уровне ощущений – его вербализация требует пространного изложения, однако в читательском сознании нужная картина складывается с легкостью – это какой-то иной способ восприятия, схожий с созерцанием живописи или вслушиванием в музыкальное произведение. Такой характер придается тексту в том числе за счет символов. Каждый религиозный символ невероятно объемен, и только с опорой на эту широту и многогранность связующих смысловых элементов текста и стоит трактовать содержательное наполнение каждого пассажа авторской проповеди.

На предшествующих этапах исследования было уделено большое внимание изучению графики проповедей в рассматриваемом сборнике и средствам художественной выразительности. Переходя к теме цитирования библейских текстов, приведем лишь небольшие примеры отсылок в авторской проповеди «Слово 35. Поучение на день трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Похвала от паства прилежания их. И о лживых пастырях, и на еретики, и на нынешния раскольники» как содержащей достаточное их количество и отличающейся большой степенью художественной выразительности и глубиной авторских находок и суждений. Отсылки рассматриваются во взаимодействии со средствами выразительности,

поскольку последние придают определенную завершенность смыслам, вложенным в авторский текст, и позволяют цитатам органично вплетаться в ткань проповеди.

Начинается данное «Слово» восхвалением трех святителей, в день чествования памяти которых оно должно было зачитываться. Уже на первой странице текста можно встретить скрытую цитату.

*Светила пресветлая, иже пресветлая,
иже светят без угашения, дела и учением.
Патыри преподобии Христовых овец,
иже души своя положити не отрекошася.
Церковнии хранители, воины Царя Небеснаго,
во оружие Божие облекошася,
светом божественным наполнении,
небесною премудростию умудрени
дивных таин зрители,
яснии трубы богослови,
яко от самых небес глашающе,
яснее грома глас испущающе.*

Слова, касающиеся облечения «во оружие Божие», можно назвать реминисценцией из Послания святого апостола Павла к Ефессянам: «...облецытесь во вся оружия Божия, яко возможи вам стати противу кознем диаволским» (6:11). Это подтверждается и приведением автором другой цитаты, следующей за упомянутой, в том же «Слове». Безусловно, создатель текста был знаком с данным Посланием апостола, поэтому стоит обратить внимание на развитие мысли апостола Павла в его Послании и на то, что он подразумевает под «оружием Божиим»: «Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся в броня правды, и обувше нозе во уготовление благовествования мира; над всеми же восприимше *щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженные угасити*; и шлем спасения восприимите, и мечь духовныи, иже есть глагол Божий» (Послание к Ефессянам 6:14-17). Необходимость благовествования и действенная сила глагола – слова – Божьего выступают здесь на первый план. Именно таким оружием – правдой, истиной, верой и готовностью воспринять и транслировать Слово Божие – и облеклись святители. Мысли из данного фрагмента Послания так или иначе будут находить свое отражение в различных частях «Слова», где будет идти речь о святителях и о проповедническом служении в целом.

Однако автор не «копирует» евангельский текст, и, позаимствовав начало фразы из Послания, продолжает развивать свою мысль в сходном ключе, но в ином направлении. Понятие облечения в оружие Божие заключает в себе целый пласт различных аспектов духовной жизни, и помимо обладания всем тем, о чем говорится в Послании, святители, по словам автора, «светом божественным наполнении, небесною премудростию умудрени, дивных таин зрители». От внутреннего плана идет переход к плану внешнему – все, что их наполняет и возвышает, распространяется на паству через слово, учение: «...яснии трубы богословии, яко от самых небес глашающе, яснее грома глас испущающе». Образ трубы в данном контексте неслучаен – в следующих строках можно найти отсылку к ветхозаветному сюжету, в котором образ трубы имеет определяющее значение. Скрытое цитирование библейского текста обнаруживает себя в замечательном сравнении.

*Не стены чювственнаго Иерихона рассыпаша,
но вся легеоны бесовския устраиша,
еретическая суемудрая плетения рассыпаша,
и стены греховныя и оплоты беззаконныя разориша.
И вся красная и прелесная мира сего,
яко разоренная Ерихона, огнемъ сожгоша.
Пламенем Духа Святаго.*

«Стены чювственнаго Иерихона» – прямая отсылка к ветхозаветному образу неправедного города, который, ступив на землю обетованную, еврейскому народу предстояло захватить и истребить его жителей. Согласно библейскому сюжету, Иисус Навин должен был с народом обходить один раз город в течение семи дней, трубя в семь юбилейных и множество обычных труб. На седьмой день город обходился семь раз, и после восклицания всего народа и звучания труб стены Иерихона обрушились (Книга Иисуса Навина 6:1-19). В предшествующем высказывании автора святители именуются как «яснии трубы богословии», и, таким образом, образ стен Иерихона возникает вполне логично, скорее даже, он обуславливает появление сопоставления святых с трубами. Возникает отрицательное сравнение: «Не стены чювственнаго Иерихона рассыпаша, но вся легеоны бесовския устраиша...», которое дополняется все новыми компонентами. Когда создатель проповеди

обозначает то, что упразднили святители, он использует глаголы с семантикой физического устранения какого-либо сооружения: *рассыпаша*, *сожгоша*, *разориша*. Таким образом отрицательное сравнение перетекает в развернутую метафору. «...еретическая суемудрая плетения рассыпаша» – метафора *сuemудрая плетения* отражает запутанность, отсутствие прямоты в учении еретиков, характеризует их как искусителей. Эпитет (который представляет собой композит) *сuemудрая* усиливает впечатление преходящести и ложности их постулатов, о суетности их «мудрования». «Стены греховныя» и «оплоты беззаконныя» – метафора, восходящая к образу стен Иерихона (*оплот* имел значение ‘ограда, стена’). Далее идет прямое сравнение: «И вся красная и прелесная мира сего, яко разоренная Ерихона, огнемъ сожгоша». Слово *прелестный* (употребленное автором без согласной *т*) имело значения ‘относящийся к заблуждению’, ‘вводящий в заблуждение’, ‘соблазнительный, обольстительный’. Интересно его сочетание со словом *красный*, которое приобретает явно негативную коннотацию, в то время как в словаре отражены значения ‘прекрасный’, ‘красивый’, ‘приятный’. Видимо, речь идет о соблазнах мира, к которым можно отнести и приятные на первый взгляд, но вводящие в заблуждение ложные учения. В конце стоит точка, однако фраза не завершается, и на обороте листа обнаруживается ее продолжение: «Пламенем Духа Святаго». Либо автор допустил опisku, поставив точку вместо запятой, и данная часть является концовкой, пояснением предыдущей – «... огнем сожгоша, пламенем Духа Святаго», либо эти слова подводят итог всему фрагменту и поясняют, какой силой святители совершили все перечисленное выше. Первый вариант кажется более вероятным, так как очевидно соотношение образов *огня* и *пламени Духа Святаго* и возможности пояснения первого через второе, которую, скорее всего, автор и использовал. Образ «пламени Духа Святаго» неслучаен – в книге Деяний святых апостолов один из начальных эпизодов повествует о сошествии Святого Духа на учеников Христа, произошедшее в день Пятидесятницы. Они были осенены языками пламени, после чего исполнились Духа Святого (Деяния св. Апостолов 2:1-4). Очевидно,

автор видит в святителях продолжателей апостольского ряда, так как делом их жизни стало благовествование и своим учением они укрепляли и наставляли в вере неисчислимое количество людей. Пламень, сошедший некогда на апостолов, ощутимо пребывал в них и наполнял собою слова проповедников божественной силой и мощью, способной сокрушить как бесплотных бесов, так и несправедливые здания еретических учений.

Мы рассмотрели лишь некоторые примеры отсылок к библейским текстам. В самой проповеди их содержится довольно большое число, что обусловлено самим жанром и придает тексту и суждениям автора новые грани и позволяет раскрыть их подлинную глубину.

Литература

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – Москва : CODA, 1997. – 343 с.

Алексеев П. Т. «Статир»: описание анонимной рукописи XVII века // Археографический ежегодник за 1964 год. – М., 1965. – С. 92–101.

Красильникова А. А. Лепта к «Статиру»: полемические заметки о современной презентации памятника XVII в. // Билиосфера. 2013. № 3 – с. 29 – 35.

Никифор Архимандрит (Бажанов). Библейская энциклопедия / Н. Бажанов, репринтное воспр. изд. 1891 г. – Москва : Терра 1990. – 904 с.

Райкен Л. Словарь библейских образов / Под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана III. – Санкт-Петербург : Библия для всех, 2005. – 1423 с.

Сгибнева Н. Ф. "Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет...": о богатстве и нищете в сборнике проповедей конца XVII в. "Статир" / Н. Ф. Сгибнева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2011. – N 2 (90). – С. 223–237.

Соболева Л. С. Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестник Новосиб. гос. ун-та / Серия: История, филология. 2011. – Т. 10, вып. 8 : Филология. – с. 175–186.

Соболева Л. С., Мангилев Петр, прот. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История: материалы II Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). – Екатеринбург : Информ.– изд. отдел ЕДС, 2014. – с. 134–145.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. Пособие / Вступ. статья Н.Д. Тamarченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тamarченко. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – 334 с.

Яхонтов И. К. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». – СПб., 1883. – Переиздано с готовых диапозитивов: М., 1997. – С. 3–15.

Яклюшина М. С., Екатеринбург
(науч. рук. – Приказчикова Е. Е.)

**Правитель и новгородская свобода в стихотворной повести
М. М. Хераскова «Царь, или Спасённый Новгород»**

Yaklyushina M. S.
**The Ruler and Novgorod's freedom in the epic poem «Tsar, or
Novgorod saved» by M. M. Kheraskov**

В статье рассматривается концепция свободы, отражённая в стихотворной повести М.М. Хераскова «Царь, или Спасённый Новгород», с учётом предшествующей литературной традиции и контекста написания. Выделяется значимость для произведения софиократического идеала правителя и реакции автора на события Великой французской революции.

Ключевые слова: М.М. Херасков, литература XVIII века, правитель, власть, свобода, вольный Новгород, стихотворная повесть.

In this paper we look at the concept of freedom represented in the epic poem «Tsar, or Novgorod Saved» by M.M. Kheraskov, taking into account precedent literary tradition and context of the poem's creation. Special attention is paid to ideas that shaped aspects of the epic poem, like russiansophiocraticideal of a ruler and the French Revolution.

Keywords: M.M. Kheraskov, XVIIIcentury literature, Novgorod saved, authority and freedom in literature.

Одна из вечных тем в литературе – взаимоотношения правителя и народа. Она имеет много возможностей для развития, множество граней. В истории литературы через завязанные на этой теме сюжеты раскрывались самые разные проблемы: вопросы свободы, тирании, общественного блага, личные трагедии. В мировой словесности мы можем увидеть тысячи лет развития этой темы, от трагедии «Антигона» Софокла и «Республики» Платона до антиутопий XX века («Мы» Е.И. Замятина, «1984» Дж. Оруэлла, «О дивный новый мир» О. Хаксли).

В русской литературе фигура правителя также довольно часто привлекала к себе внимание поэтов и писателей. Ещё в памятниках Древней Руси мы находим напряжённые размышления о природе княжеской и царской власти, об идеальных государствах и государях. «Наибольшее место в древнерусской